

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, кандидат философских наук, автор 27 книг прозы, поэзии, публицистики.

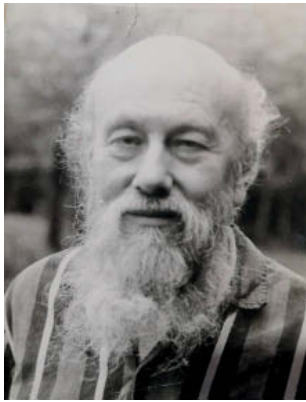

КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ХОВАНСКИЙ И ЦАРСКАЯ ПОДУШКА

Тобольск – Калининград – Пушкин

Для нас самое главное – это Россия!
Мы обязательно должны приумножать её славу!
Мы не будем участвовать в различных
подпольных движениях в борьбе за власть.
Мы будем способствовать развитию России
своим творчеством, творчеством в науке,
культуре и искусстве. Ведь мы же князья,
и мы должны своим собственным трудом
показывать пример служения Отчизне другим людям.

Николай Александрович Хованский

*А. Н. Хованский – фото
из архива о. Митриофана*

Причина приезда в Калининград

Разные судьбы приводили людей в Калининград. Довольно часто в самую западную область СССР приезжали такие люди, которые оказывались негодными властям того города, откуда приезжали новые жители Янтарного края, закрытой территории до 1990 года. Сюда прибыли в 60–70-е годы княгиня Татьяна Петровна Залесская после ГУЛАГа, писатель Юрий Куранов из-за вызвавшей гнев у псковского руководства книги «Глубокое на Глубоком» о драме «неперспективных деревень», актёр Михаил Пурга, рериховец, и список можно продолжить, но это будет другая тема.

В Калининграде оказался и князь Алексей Николаевич Хованский (1916–1996), выдающийся математик, приехавший в Калининград в 1967 году вместе с женой Татьяной Алексеевной Кокаревой.

Они устроились на преподавательскую работу в Калининградский государственный университет. Переехали они из Борисоглебска, где жили недолго. Причиной покинуть предыдущие места работы – Марийский государственный педагогический институт, а затем Борисоглебский государственный педагогический институт – стал такой случай.

Прочитав историко-фантастический роман украинского писателя Олеся Бердника «Подвиг Вайвасваты», Алексей Николаевич Хованский написал отзыв о книге фантастики и по наивности отправил в «Литературную газету». Неизвестно, знал ли Алексей Николаевич о том, что Бердник был ярким антисоветчиком и неоднократно сидел в различных лагерях, потом раскаивался не раз уже в 90-е годы. Но вскоре после письма корреспондент популярнейшей в те времена «Литературной газеты» приехал в Йошкар-Олу, чтобы на учёном совете пединститута осудить и раскритиковать автора отзыва на книгу «Подвиг Вайвасваты». Досталось ему заодно и за вегетарианство, и за то, что признаёт телепатию, что занимается эсперанто – так называемый в 50–60-е годы прошлого века «язык шпионов». Его обвиняли в том, что он «протаскивает идеализм», «уродливую форму толстовства – вегетарианство».

В защиту Хованского выступили только два человека – преподаватель истории П. П. Вандель и Т. А. Кокарева. Вандель сказал, что не надо стрелять из пушки по воробьям и что вегетарианство не опасно, что вызвало возмущение президиума. Т. А. Кокарева, которая училась в университете в одной группе с Хованским, произнесла длинную речь о пользе вегетарианства и о значении языка эсперанто для международного общения, что было названо «неуместной пропагандой». В заключение ректор Романов в грубой форме потребовал от А. Н. Хованского признать ошибочность своих взглядов, Алексей Николаевич не стал ему отвечать. В итоге Хованскому был вынесен строгий выговор, ему было отказано в запланированной научной командировке, был также поставлен вопрос о возможности его руководства аспирантами.

Хованского поддержал и член-корреспондент АН СССР А. А. Ляпунов, который написал письма в Министерство просвещения РСФСР и в Академию педагогических наук. Хованского он оценивал как талантливого учёного и педагога, который «уделяет большое внимание развитию общего кругозора у своих учеников»¹. Так А. Н. Хованский и его жена Кокарева оказались на математическом факультете в Калининградском университете, только недавно тогда преобразованном из педагогического института.

*Т. А. Кокарева,
фото из архива М. В. Кретьова*

Царская подушечка

Много я слышала рассказов о необычном, многогранном, талантливом жителе Калининграда А. Н. Хованском, но вдохновила меня написать эту небольшую историю сотрудница Государственного архива Калининградской области Наталья Ивановна Дроздова, подарившая мне небольшую книжечку, составленную Татьяной Алексевной Кокаревой, «Князь Алексей Николаевич Хованский: Былое в воспоминаниях и стихах» (под ред. С. В. Даниель-Бек. Калининград, 2000).

Меня заинтересовал рассказ Натальи Ивановны Дроздовой о том, что у Алексея Николаевича была от родителей доставшаяся ему диванная подушечка, вышитая цветами, и кем бы вы думали? Членами семьи Николая Второго в то время, когда те находились в Тобольске, незадолго до их гибели. Родители Алексея Николаевича, живя в Тобольске, передавали царской семье через их знакомую баронессу Софью Буксгевден сладкие ватрушки и сухарики к чаю. В благодарность царевны вместе с императрицей и при участии цесаревича Алексея вышили подушечку из холщовой ткани цветами и в последний вечер пребывания в Тобольске передали княгине Хованской. Как известно, после июльских событий 1917 года в Петрограде Временное правительство решило переправить царя с семьёй в ссылку в Тобольск, куда царь прибыл 6 августа 1917 года паромом из Тюмени, вместе с семьёй и свитой – добровольно сопровождавшими их лицами (45 человек). 17 апреля 1918 года семья была направлена большевиками в Екатеринбург.

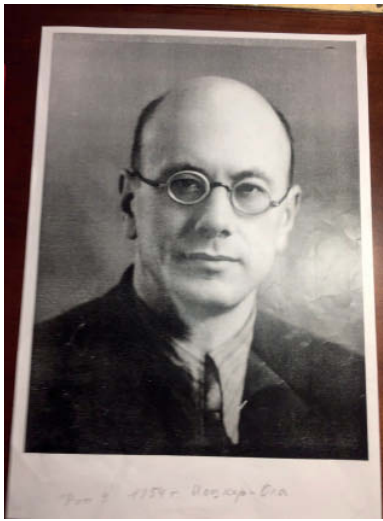
Родители Алексея Хованского

Необходимо рассказать о родителях нашего героя – знатном, но небогатом роде князей Хованских. Отец Алексея Николаевича – князь Николай Александрович Хованский, коллежский советник (1879–1967) – окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета по специальности химия.

Мать Алексея Николаевича – дочь действительного статского советника Зинаида Алексевна Никольская (1874–1947). Николаю Александровичу после окончания университета предложили службу в Переселенческом управлении Министерства земледелия и госимущества Сибири в Красноярске.

Алексей Николаевич, единственный сын у родителей, называвших его Аликом, родился в Тобольске в 1916 году. Он помнил рассказы родителей о жизни в Тобольске, о том, что в 1919 году Николай Александрович был арестован большевиками и содержался в тюрьме, потом был отпущен,

¹ Игнатъев А. А. // Калининградские архивы. Калининград, 2003. Вып. 5. С. 55.

*Князь А. Н. Хованский,
фото из архива М. В. Кретова*

потому что говорил: «Для нас самое главное – это Россия! Мы обязательно должны приумножать её славу! Мы не будем участвовать в различных подпольных движениях в борьбе за власть. Мы будем способствовать развитию России своим творчеством, творчеством в науке, культуре и искусстве. Ведь мы же князья, и мы должны своим собственным трудом показывать пример служения Отчизне другим людям».

Связь с царской семьёй – из рассказа Алексея Хованского

Царскую семью в Тобольске поселили в бывшем губернаторском доме. Этот дом сохранился до нашего времени, в нём располагается музей «Дом Романовых».

С царской семьёй приехала фрейлина государыни баронесса Софья Карловна Буксгевден (1883–1956) со своей бывшей воспитательницей мисс Мэзэр, которые бывали в семье Хованских в Тобольске, так как могли, в отличие от царской семьи, свободно выходить из дома. Мать Алексея Николаевича – Зинаида Алексеевна – передавала семье царя выпечку и сухарики к чаю, приготовленные по её особому рецепту, а Николай Александрович специально для Николая Второго – английские журналы и газеты, которые он выписывал.

В ночь накануне отъезда из Тобольска, в знак благодарности, царская семья передала Хованским подушечку через Софью Буксгевден. (Современные исследования говорят, что Софью Буксгевден сопровождала 60-летняя шотландка мисс Анни Данзайр Матер, подруга её почившей матери. По прибытии в Тобольск (23 декабря 1917 г.) С. К. Буксгевден не получила разрешения властей посещать императрицу. Тем не менее ей была оставлена возможность встречаться с графиней А. В. Гендриковой, жившей при государыне в «Доме свободы». Об этом свидетельствуют записи из личного дневника государыни, а также её письма.)

Мама рассказывала, что вся царская семья приняла участие в этом рукоделии, в том числе и сын царя Алексей. Его цветок получился менее удачным, чем остальные шесть.

«У родителей сохранилось фото баронессы и её воспитательницы, – рассказывал Алексей Николаевич. – Эта фотография хранится в Риге в отделе рукописей и редких книг Академии наук Латвии, и там же в красном альбоме есть фото губернаторского дома с балконом, где в этот момент находилась царская семья. Фотографировал мой отец. Я же отдал фотографии в архив во избежание неприятностей.

Баронесса осталась жива, так как её не пустили сопровождать царскую семью из Тобольска в Екатеринбург, и она уехала за границу.

Мама рассказывала, что наследник в то время совершенно не казался ни больным, ни немощным. Наоборот, он вёл себя как озорник. Очень оживлён был всегда. Катался на лестничных перилах, не опасаясь ушибов. Ещё родители рассказывали, что караул солдат часто меняли, так как после краткого общения с царской семьёй они быстро привязывались к ним и становились искренними друзьями и поклонниками».

Схиигумен Митрофан (Лаврентьев)

Прошло время, и на страницах петербургского портала «Русская народная линия» я обнаружила небольшую статью о встрече с Алексеем Николаевичем Хованским в Калининграде. Написал ещё в 2007 году схиигумен Митрофан (Лаврентьев): «Дальнейшая судьба царской подушки такова. Во время прохождения мною послушания у моего духовного отца Василия (Борина), известного экзорциста, привившего мне любовь к Царственным мученикам, я вспомнил о великой реликвии, хранящейся в Калининграде. В один из моих приездов в город я встретился с Алексеем Николаевичем и убедил его, что не место хранить эту святыню в книжном шкафу в однокомнатной квартире панельного дома

почти на окраине Калининграда. Хотя в то время (1990 год) у нас ещё и речи не шло о канонизации Царской Семьи в лике святых. Алексей Николаевич со мной согласился и передал её мне для определения достойного для неё места. Подушка побывала со мной в Зиянье и в Печорах Псковских, но там не нашли для неё достойного места.

Но вот весной 1993 года мне довелось побывать в восстанавливавшемся в то время храме Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы города Пушкина, где намечалось тогда создание музея Царской Семьи. Богослужения велись в нижнем приделе храма, освящённого в честь св. преп. Серафима Саровского, и служил там иеромонах Варсонофий. В этот Царский храм я и передал эту великую реликвию. Она была помещена в комнатку (пономарскую) рядом с алтарём, где любила молиться Императрица. По свидетельствам, там она пребывает и доньне.

Когда подушка ещё пребывала со мной, я и мои знакомые, знавшие о ней, часто прибегали к её помощи для избавления от головных болей, приложив её к болящей голове, что свидетельствует о сохранении ею благодатной силы любви, вложенной в неё святой Царской Семьёй».

*С. Буксгевден
(из открытых источников Интрнета)*

Интервью с Мирой Островской

Однажды в библиотеке имени космонавта Алексея Архиповича Леонова я разговорилась с ведущим специалистом библиотеки Мирой Иосифовной Островской о князе Хованском.

– **Мира Иосифовна, как Вы познакомились с Алексеем Николаевичем Хованским?**

– Он был моим преподавателем в Калининградском государственном университете. Но ещё ранее я училась в Школе юных математиков, и помню, как впервые я увидела его на вступительной лекции, которую, скорее, можно было бы назвать уроком жизни, потому что он говорил, что всегда надо думать о том, что тебе важнее всего. Нельзя терять ни единой минуты, по дороге в школу, стоя на остановке, думать о самом главном.

– **А что он читал вам в университете?**

– Это был курс теории вероятностей.

– **Видели Вы царскую подушечку?**

– Да, конечно. Мы жили с Алексеем Николаевичем в одном подъезде: мы на третьем этаже, а он на первом. Он был для меня человеком уникальным. Во-первых, я ходила к нему в кружок по изучению эсперанто, а во-вторых, он занимался со мной французским языком. Я пригласила его заходить к нам, если ему куда-то надо позвонить, и он с удовольствием приходил позвонить его первой жене Татьяне Алексеевне. Она исповедовала принцип: «Не говори с тоской – ушло, а с благодарностью – было». И Алексей Николаевич очень ласково и тепло говорил с ней обычно на эсперанто.

К нему в квартиру шли постоянно люди, часто оставались ночевать. Он кормил дворовых кошек и собак. И ещё он собирал мусор во дворе, за что его очень не любили работники коммунальной службы. В те времена мусорная машина, подъезжая к дому, сообщала колокольчиком о своём прибытии, кто-то выносил ведро или полведра мусора, а Алексей Николаевич собирал его добровольно во дворе довольно много, что вызывало гнев у работников этой службы.

Поток посетителей его квартиры не иссякал. Одна девушка украла у него часть Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона, унося в сумке по два тома.

А когда он к нам приходил позвонить, то мы потом ещё подолгу беседовали. И моя мама предложила ему прятать царскую подушечку у нас, и Алексей Николаевич послушался. Мама её хранила в чистой наволочке в шкафу, а у него она лежала в книжном шкафу на виду. Подушечка была сделана из серого холста, на котором по периметру прямоугольника подушки шли цветы разных оттенков мулине. Вышивку сделали великие княжны Романовы и цесаревич Алексей, когда семья Хованских жила в Тобольске и родители Алексея Николаевича передавали царской семье гостинцы, ватрушки,

испечённые матерью Алексея Николаевича. В благодарность императрица передала эту подушечку Хованским, и Алексей Николаевич её всегда с собой возил. Мне с трудом верится, что я когда-то прикасалась к вышитым царской семьёй цветам на сером холщовом поле. Ветер истории России коснулся моей щеки.

– **Были ли Вы знакомы с женой князя Хованского?**

– Татьяна Алексеевна Кокарева тоже преподавала у нас в университете на физмате дифференциальные уравнения. Такая маленькая, кругленькая, уникальная женщина, никто никогда не слышал от неё укора, она не умела обижаться, не умела винить.

Даже после того, как Алексей Николаевич привёл к себе женщину на сорок лет моложе его, которая потом захотела присвоить его квартиру, бросила его после того, как он ослеп, Татьяна Алексеевна перевезла Алексея Николаевича к себе и ухаживала за ним до конца его дней. Она увековечила его память двумя небольшими сборниками о нём.

Я называю её калининградской Софьей Ковалевской (первая в мире женщина – профессор математики), потому что её кандидатская диссертация «Теоремы существования аналитических решений для интегро-дифференциальных уравнений в частных производных» – это не что иное, как решение задачи, обратной к классической задаче Коши – Ковалевской. В некотором смысле это и обобщение класса задач, благодаря введению значительно более широкого класса допустимых функций. Всемирно известная математик Софья Ковалевская получила результаты для уравнения теплопроводности, которые были распространены доктором физико-математических наук, профессором Г. С. Салеховым, научным руководителем Татьяны Алексеевны, а она исследовала проблему для двух других классов уравнений.

– **Почему же она не стала такой же известной, как Софья Ковалевская?**

– Если бы она посвятила себя всецело математике, она бы добилась большой известности. Но она жила интересами любимого человека и видела в этом смысл. У Алексея Николаевича очень рано начало портиться зрение, но, когда он начал заниматься йогой, ему удалось намного улучшить своё зрение. Вместе с ним она изучала йогу, философские учения, и самое главное, следовала им. За много лет я не видела её расстроенной или раздражённой.

– **Какие черты Татьяны Алексеевны Вы запомнили?**

– Она любила принимать участие в капустниках на День физмата. С абсолютно серьёзным лицом она доводила нас до хохота, который называют гомерическим. Она хорошо знала музыку, живопись, поэзию, знала французский и немецкий, переводила с них, знала эсперанто, разбиралась в восточных учениях. Оба они были вегетарианцами.

– **А куда делась их огромная библиотека с редкими книгами, нотами?**

– Благодаря хлопотам Михаила Васильевича Кретова, многое попало в Государственный архив Калининградской области. Михаил Васильевич сумел похоронить Татьяну Алексеевну на старом кладбище на проспекте Мира рядом с Алексеем Николаевичем.

– **А где жил Алексей Николаевич?**

– На улице Чекистов, дом 118.

– **А есть мемориальная доска?**

– Нет!

Кретов Михаил Васильевич, предприниматель

– **Михаил Васильевич! Расскажите о дружбе с Хованскими.**

– Я больше дружил с Татьяной Алексеевной. 18 декабря 2023 года ей будет 100 лет. Алексея Николаевича я, конечно, уважал, потому что это был прекрасно воспитанный, интеллигентный человек, всегда поздороваешься, поговорит, спросит о делах. И он был безотказным человеком: надо кого-то записать в народную дружину – пожалуйста, разработать новый курс лекций, семинаров – пожалуйста. Спокойный человек, никогда не возражал, если что-то нужно было кафедре – пожалуйста, все её проблемы он закрывал. Он для неё был палочкой-выручалочкой.

Алексей Николаевич зимой ходил налегке, без тёплой одежды, из еды предпочитал картофельные котлеты и винегрет. Спиртное не употреблял, лишь немного иногда, но это было очень редко. Знал 15–17 языков. Участвовал в концертах, возил студентов на съезды эсперанто в Вильнюс. Татьяна

Алексеевна обладала изящной фигуркой, миловидная, у неё были поклонники, но любила она только одного человека – Алексея Николаевича.

В 1986 году я ушёл из университета, занялся бизнесом, а в 2003 вернулся – некому было читать лекции, работал до 2018 года. Занимаюсь дорожным строительством.

Умер князь Хованский 30 ноября 1996 года и похоронен на старом кладбище на проспекте Мира, недалеко от часовни.

Я его хоронил. Татьяна Алексеевна его очень любила и говорила после ухода к очередной аспирантке, что у них просто схожие поля. Просила похоронить их рядом, и это удалось сделать. Как-то во время бури упала на их могилы старая липа, но всё убрано, и могилы в хорошем состоянии.

Я приехал на работу в Калининград в 1969 году после окончания Воронежского университета. Татьяна Алексеевна дружила со старшим преподавателем Галиной Никитовной Виноградовой.

У меня осталось много иностранных книг, которые я хотел сдать в библиотеки, но никто не берёт. Есть ноты музыкальных произведений Алексея Хованского. Мои внуки иногда исполняют его произведения. У меня есть подлинник гербовника дворянского рода Хованских, сборники с научными трудами Хованских.

После ухода Алексея Николаевича Татьяна Алексеевна семь раз устраивала вечера памяти в филармонии. Читались стихи, исполнялись романсы, пьесы, активно участвовал ансамбль «Камерита-Самбия», а я организовывал чаепитие.

Рассказ Бориса Ивановича Попова, писателя и генеалога

– **Борис Иванович! Как Вы познакомились с князем Хованским и почему Вы сказали, что он Ваш дальний родственник?**

– Дело в том, что род Хованских, а это был род русских князей, как и род моей прабабушки Варвары Сергеевны Пушкарёвой, происходили от одного и того же человека – от основателя Вильнюса великого князя литовского Гедимина. Только род князей Хованских происходил от сына Гедимина, носившего имя Наримунд, бывшего одно время новгородским князем, а род Пушкарёвых – от младшего сына Гедимина, носившего имя Кориат, который княжил в Подолье. Поэтому мы с Алексеем Николаевичем Хованским приходились друг другу кровными родственниками в каком-то там колене.

Познакомились мы благодаря тому, что, возвращаясь из Москвы в Калининград поездом, я разговорился со своими попутчиками, и они дали мне адрес Алексея Николаевича. Мне было очень интересно пообщаться с ним о превратностях судьбы.

– **Вы пришли к нему домой и каким Вы его увидели?**

– Алексей Николаевич был намного ниже меня ростом, совершенно лысым. Очки его имели сильные увеличительные стёкла, он практически не видел меня, а взирал лишь на некую мою тень. Мы сели за небольшой стол и начали беседовать. К нам присоединилась и Татьяна Алексеевна.

Комната была заставлена шкафами и полками с книгами. Книги были на самых различных языках. За моей спиной стояло старое немецкое пианино с подсвечниками.

– **О чём шла Ваша беседа?**

– Алексей Николаевич дал мне в руки старую толстую книгу, изданную в середине XIX века и посвящённую потомкам Гедимина.

Точно такую же книгу я видел и раньше в одной из библиотек Москвы. Но теперь у меня появилась возможность обсудить её содержание именно с тем человеком, который по своему происхождению должен был лучше меня знать историю жизни различных потомков Гедимина, да и самого Гедимина. И мы стали беседовать с ним на эту тему. Вспоминали не только род князей Хованских, но также роды князей Трубецких, Голицыных и Куракиных, которые тоже происходили от Гедимина и тоже трудились во славу России. Алексей Николаевич наизусть знал представителей всех двадцати колен своего рода, мог о каждом из них что-то сказать. Мне подумалось, что хорошо было бы каждому россиянину восстановить историю своего собственного рода как можно дальше вглубь веков и знать её так же, как знал её Алексей Николаевич. Это позволило бы всем нам вместе лучше знать историю своей страны через призму конкретных лиц, своих предков.

– **Вы говорили о России после 1917 года?**

– Конечно, мы в своих беседах вспоминали историю России, 1917 год, гражданскую войну, белых и красных. И вот Алексей Николаевич говорит о себе и своём отце, об их серьёзном разговоре друг с другом, ведь они по происхождению всё-таки были князьями и должны были вроде бы участвовать в белом движении. Слова, услышанные тогда мной, глубоко запали в мою душу. Отец, Николай Александрович, сказал во время разговора своему сыну примерно следующее: «Мы же князья, и должны своим собственным трудом показывать пример служения Отчизне другим сословиям и людям».

И этот наказ он исполнял всю свою жизнь до самой своей кончины. Окончив в 1941 году Казанский университет, он стал профессиональным математиком, учёным, продолжателем дела основателя неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевского. Мне даже довелось подержать в руках одну из его книг, посвящённую цепным дробям. В своё время в научной работе при математическом описании процессов, происходящих в различных сферах жизни общества, мне приходилось прибегать к таким дробям, поэтому я понимал, о чём идёт речь в этой книге. Конечно, научных математических трудов было написано Алексеем Николаевичем за всю его жизнь очень много, около пятидесяти, и я при первой встрече познакомился лишь с малой толикой из них. И это были труды не какого-то там абстрактного математика, а математика практического, полезного стране и обществу. В том же 1941-м ему приходилось, например, рассчитывать таблицы для артиллеристов, сражающихся на фронтах Великой Отечественной войны. И это был его личный вклад в победу нашей страны над фашизмом.

Труды его переводили и в Китае, и в Западной Европе. Но это, как оказалось, ещё не всё, что он сделал и продолжал сам делать во славу России. У него были очень хорошие способности к изучению различных языков. За свою жизнь он научился писать на шестнадцать языках, поэтому он занимался переводами различных книг на русский язык, проводил занятия с любителями иностранных языков, в том числе даже таких необычных, как эсперанто или санскрит. Я сам был свидетелем тому, как на последнем году своей жизни Алексей Николаевич, будучи совсем слепым, занимался переводом книги одного из авторов на французском языке – я брал эту книгу в руки. И он успел завершить её перевод как раз перед своей кончиной. В это же время он принимал у себя дома отдельных студентов, которые приходили к нему домой за помощью в переводах, например, с латинского или греческого языков, или желающих пополнить свои знания в санскрите. И он даже при всём своём неудовлетворительном физическом состоянии оказывал им необходимую практическую помощь. Удивительно!

– **Играл ли для Вас Алексей Николаевич на фортепьяно?**

– Однажды я пришёл к нему со своим братом – поэтом и музыкантом. И Алексей Николаевич поразил нас обоих своими поэтическими и музыкальными способностями. Оказывается, он был автором не только многочисленных математических трудов, но и автором многочисленных стихотворных произведений. Он как бы соединил в себе одновременно две ипостаси: и физика и лирика, чего удаётся достичь лишь немногим. Выходит, Алексей Николаевич принадлежал именно к таким. В тот раз Алексей Николаевич поразил нас с братом тем, что вдруг сел за пианино и начал вслепую играть музыкальные произведения собственного сочинения, в том числе вальсы, танго, фокстроты, а также песни и романсы, которые он сам же и пел. Он же был автором таких музыкальных произведений, как марши и музыкальные фантазии на разные темы. Любил он исполнять и музыкальные произведения других авторов, в том числе произведения В. Моцарта, Р. Вагнера, Ф. Гайдна, Ф. Шопена, первую симфонию П. И. Чайковского «Зимние грёзы», а также духовные песни, особенно песню «Христос и человеческая душа», написанную на стихи Д. Мережковского и музыку М. Гаузера. Будучи профессиональным математиком, Алексей Николаевич, оказывается, часто читал лекции студентам не только по математике, но также по вопросам языкознания, музыки и живописи. Я с удовольствием познакомился с его поэзией.

– **Вы знакомы с его стихами?**

Среди его стихов мне очень понравились следующие:

После долгого сна нелегко пробудиться,
Душу прочно сковал беспощадный кошмар;
Но всё время растёт нетерпение биться
И ему нанести смертоносный удар.
Целый год надо мной ночь свирепо царила,
И её приговор мне дорогу закрыл,

Но надежду мою всё ж она не сломила,
И спасения час, наконец, мне пробил.
И я знаю одно, не в покое спасенье,
В жизни счастье всегда достаётся борьбой;
Так пускай ждёт меня впереди поражение,
Я свободен и вновь выступаю на бой.

Вся наша жизнь – сплошное ожиданье:
 С какой-то жадностью смотря упорно вдаль,
 Мы создаём себе напрасное страданье
 И счастье превратить хотим скорей в печаль.
 Зимой мы ждём весны, весною ждём мы лета,
 А там и надоест июльская жара...
 И всё нам кажется, что там, в грядущем, где-то
 Настанет счастья блаженная пора.
 Так, провожая день ушедший с нетерпеньем,
 Мы жадно ждём, что скажет новый день;

И мы не сознаём, томимы наважденьем,
 Что каждый раз хотим догнать свою лишь тень.
 И каждый ждёт, надеясь, своего дня...
 А нам давно, давно понять пора,
 Что «завтра» – только эхо от «сегодня»;
 «Сегодня» – только эхо от «вчера».
 Но ветер времени на ледяных могилах
 Не может погубить зелёного ростка;
 Пусть «завтра» изменить не в наших силах —
 Мы можем изменить грядущие века.

Таким вот удивительным творческим человеком оказался князь Алексей Николаевич. И он был для меня настоящим князем даже не по своему происхождению, а по своей прожитой жизни, по своим собственным заслугам перед Россией. Алексей Николаевич отличался ещё и тем, что имел необыкновенную душу и сердце...

Переписка и общение с настоятелем Феодоровского Государева собора и его помощницей

Написав письмо-обращение настоятелю собора иерею Герману Александровичу Ранне с просьбой прислать фотографию царской подушки, я получила очень быстрый ответ и несколько фотографий подушечки.

Добрый день, уважаемая Лидия Владимировна! Спасибо за Ваше письмо. Царскую подушку благоговейно храним в нашем соборе и по сей день. Будем рады, если у Вас появится возможность посетить наш храм. По благословению настоятеля отца Германа высылаем Вам фото. С уважением Феодоровский Государев.

Получив фото подушки и разослав тем, кто видел её у князя Хованского, с вопросом, та ли подушка, у свидетелей мнения разделились: одни говорили, что та, а другие – не та. Утверждение, что на подушечке были царские вензели, и меня склоняли к тому, что подушечка та самая. Мне нужен был отец Митрофан, который передал подушечку в Феодоровский Государев собор, как его найти?

Поиски отца Митрофана, который стоит в ряду замыкающих, кто видел последним царскую подушку, благодаря Анатолию Дмитриевичу Степанову, руководителю портала «Русская народная линия», и его знакомому Сергею Васильевичу Скатову, приславшему телефон отца Митрофана, завершились успешно. Отец Митрофан оказался очень дружелюбным человеком. Он рассказал, что когда посещал настоятеля Феодоровского Государева собора епископа Маркелла в 2012 году, то видел подушечку в его покоех.

После смерти владыки Маркелла настоятелем стал отец Герман Ранне, который после похорон владыки описываемой подушечки не обнаружил. Полученную от Феодоровского Государева собора фотографию я отправила отцу Митрофану, который выразил сомнение, что это именно та, сказав, что точно было на подушке в виде венка только семь цветков, по количеству членов царской семьи, но прошло так много времени, что точнее сказать не может.

Благодарю всех, кто помогал в поисках материалов, связанных с семьёй Хованских и драгоценной православной реликвии, проделавшей путь от Тольска через Калининград в Пушкин.

*Фото царской подушки
из Феодоровского Государева собора*